

Сказка о злой жене

Злая жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит:

— Не стоишь, вор, блинов!

Муж говорит:

— Не пеки, жена, блинов, коли не стою; — она выпечет кринку в два ведра и говорит:

— Ешь, вор, чтоб съедено было!

— Ну, — говорит, — жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!

А она говорит:

— Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!

Только он побился с ней, помаялся, пошёл с горя в лес по ягоды, и нашёл куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я её в эту яму засадить, не могу ли я её проучить?» Пришёл в избу и говорит:

— Не ходи, жена, в лес за ягодами!

— Нет, шишморник, пойду!

— Я нашёл куст смородины, не бери!

— Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!

Муж пошёл, жена с ним; пришёл к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит:

— Не ходи, вор, в куст, убью! — и сама полезла в середину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошёл и прожил трои сутки, на четвёртые пошёл проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертёнка; испугавшись, и хочет чертёнка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит:

— Крестьянин, не обрати назад, пусти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусила, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!

Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертёнок и говорит:

— Ну, крестьянин, пойдём со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить.

Ну вот пошёл чертёнок по купеческим жёнам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболеют — придёт в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертёнок и говорит:

— Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь; мотри не ходи её лечить; не то съем я тебя!

Боярышня заболела и так задурела, что требует людей есть.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом даёт приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошёл в комнаты. Пришёл он в комнаты: чертёнок возлился на него и говорит:

— Что ты, русский, зачем пришёл? Я тебя съем!

Он говорит:

— Что ты! Я пришёл тебя не выживать, а пришёл, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!

Чёрт на окошко вскочил, вытаращил zenки, да и чует: все одним матом орут: «Злая жена!»

— Крестьянин, — взговорил чёрт, — мне-то куды деваться?

— Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдёт.

Черт туды и ушёл к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в татарары.

Собирался мужик в поле, говорит жене:

— Не пеки блинов.

А жена говорит:

— Вот таки напеку!

— Если напекёшь, так в поле не носи.

— Вот таки напеку и понесу!

— А понесёшь, так через мост не ходи.

— А вот пойду, так пойду!

— А пойдёшь, так каменьев в пазуху не клади.

— Вот накладу, так накладу!

— А накладёшь, так с мосту в воду не сигай.

— Вот сигну, так сигну!

— Если прыгнешь, так чертей не пужай.

— Вот распужаю, так распужаю!...

Едет мужик с поля, выскочил чертёнок и кричит ему:

— Дядюшка, возьми свою жену, а то нам житья от неё в воде нет!

— Не надо мне её, — отвечал мужик.

— Я, мужичок, шляпу денег принесу.

Мужик и от денег отказался, только чтоб чертёнок с женой к нему не вязался.

У Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка — слово, баба — за рычаг да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмёт кнут, а баба разорётся-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребёнка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, чёрт-чёртом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумываться, как бы жену сбыть? И придумал.

Воротился однажды из лесу такой развесёлый и гудит жене ласково:

— Послушай-ка, моя жёнушка! Заживём мы с тобой по-боярскому, разряжу тебя павою, — ведь я нашёл казны гибель страшную, несметную.

— Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, чучелу, пригрезилось?

— Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хоть очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало.

— Да где?

— Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого.

— Ну, пойдём, — говорит баба ласковее, — да смотри: коли сбрежал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне.

— Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики так и зазвякали. Я в другой раз, ан ещё дюжей! Я и в третий — право слово, звякают!

Пришли к ямищу — черно, глубоко!

— Ну, жена, вот булыга — брось сама, коли мне веры не даёшь!

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришёл Антип ко двору, детишки — всё девчура мелкая — с визгом его встретили:

— Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!

А тут сам корову дой, сам на речку беги — пелёнки стирай, лошадей убирай да ночь не спи — малолеток качай. «Ай, ай! — вскричал Антип, почесываясь в затылке. — С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!»

Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Да пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да верёвки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец в аршин присадил; пошёл к ямищу, опустил верёвку с клепцом да потряхивает. И вот мудрёное дело — на верёвке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, тащил-тащил, глядь — на конце чертёнок сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал:

— Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пущу; слышь, как раз перекрещу.

Взмолился бесёнок:

— Антипушка! Я добрый чёрт, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги греби. Только, слышь, до двух раз!

Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи, Антипушка! Я своё обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймёшь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить.

Соблазнился Антип, вытащил беса наружу — на канате вдруг полегче стало, бесёнка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идёт Антип к подрядчику, поклонился и говорит:

— У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесёнок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь.

— Гони, гони, Антипушка! — говорит подрядчик. — Во как поклонюсь.

— Добро! — отвечает Антип. — Из поклона ведь шубы не тачают, а я мужик бедный семьянистый; у меня семь дочерей — старшой лишь осьмой годок пошёл, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу — и не будет чертей.

Подрядчик не стал спорить, достал мошну, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдёт в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошёл весь дом — и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодатью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закусок наставил: яйца вкрутую да щуку обливную, разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся — аж подпояску долой! Простился с подрядчиком и поплёлся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип — мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлёт из города откупщик гонца за Антипом.

— Помоги, Антипушка, у нас несчастье, — сказывает гонец.

— Что, ай дом горит?

— Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьмись, брат, от беса полечить.

— Хорошо! — промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор.

Откупщик берёт его за руку, с честью в дом ведёт, вперёд ему ход отдаёт, что слово — почтенным величает, на мягки диваны сажает.

— Родимый, помоги!

А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит; деньги в карман кладёт и, свистнув, по палатам идёт: прогнал беса, везде и тихо и смирно!

— Спасибо, — сказал откупщик, — за твою службу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом.

Поехал Антип от него мимо гостиных рядов: на черепенники и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» — говорит. Приезжает домой, глядь — на дороге приказчик стоит:

— Эй, Антип! Собирайся скорей на боярский двор.

— Зачем?

— Да, вишь, чёрт поселился, бедами качает, боярыня слёзно рыдает, дети ревмя ревут...

— Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу чёрта прогнать.

— Поди-ка изволь с барином толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испарю, на поселенье сошлю, а дочек на барщину возьму, на тальках-то заморю!

— Нечего делать, — отвечает Антип, — сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу.

Антип был мужик из десятка не простого, наострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежду, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переоделся в старьё, сапоги на осметки сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор.

— Ты зачем, — говорит бесёнок, — разве забыл уговор?

— Знаю, — отвечает Антип, — я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!

— Как? — закричал бесёнок. — Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!

Убежал бесёнок в ямище — и стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипку на милость принял, от барщины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь — на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей — и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился да не в меру — опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: всё ему жена грезится! Заснёт — а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснётся — а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмёшься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост, девчонок на барщину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

436

— Батюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу! — говорил добрый молодец.

— Женись, дитятко!

И женился, выбрал себе бабу длинную, чёрную, косую; понравилась сатана лучше ясного сокола, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живёт с нею и кулаком слёзы утирает. Пошёл раз на сходку, где судят да рядят; постоял там и воротился домой.

— Что шлялся, — спросила косая баба, — что слышал?

— Да говорят: новый царь настал, новый указ наслал, чтоб жёны мужьями повелевали.

Он думал пошутить, а она и на ус замотала.

— Ступай, — говорит, — на речку рубахи мыть, да возьми веник — хату подмети, да сядь к люльке — дитя закачай, да щи, кашу свари, пироги замеси!

Муж хотел было молвить:

— Что ты, баба! Мужичье ли это дело? — Да как взглянул на неё — холодом облило, язык к горлу пристал. Поташил бельё, замесил пироги, хату вычистил, и ничем не угодил.

Прошёл год и другой; наскучило добру молодцу в хомуте ходить, да что делать? Женился — навек заложился! А век-то может, надолго протянется. С горя выгадал выгадку. Была в лесу яма глубокая, конца-дна не видать; взял он

— заклал её сверху палочками, затрусил соломкою; приходит к жене и рассказывает:

— Ты не знаешь, жена, как в лесу-то клад есть — и звенит, и гремит, и золотом рассыпается, а в руки никак не даётся; я подошёл было к нему, нос с носом стоял, дак мне не дался — посылай, говорит, жену!

— Ну, пойдём, пойдём! Я возьму, а тебе шиш!

Пошли в лес.

— Тише, баба! Тут провальная земля, отсюда клад выйдет.

— Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!

Прыгнула на солому и провалилась в яму.

— Ну, ступай! — молвил муж. — Я теперь отдохну.

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно стало без косой. Выйдет в лес, выйдет в поле, подойдёт к речке — все об ней думает: «Может, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!» Навязал коробью, опустил под землю; слышит — села, тянет вверх, вот и близко... глядит, ан в коробье чертёнок сидит! Мужик испугался, чуть верёвки из рук не выпустил. Взмолился чертёнок, закричал ему вслух:

— Вынь меня, мужичок! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Повелишь что творить, стану тебе вечно служить; вот хоть сейчас побегу в боярские хоромы, мигом заварю кашу, буду днём и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажись знахарем, приди, закричи на меня — я выскочу и уйду. Ну, ты и гребни деньги лопатою!

Мужик вытащил коробью; чертёнок выпрыгнул, отряхнулся — и поминай как звали! В тот же день в боярском доме всё пошло наизворот. Стали искать доку: добрый молодец вызвался докою, выгнал чёрта и получил плату хорошую.

Скоро пронёсся слух, что у князя во дворце, в высоком тереме завелись домовые и не дают княжнам покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей. Со всех царств собрали — нет проку, домовые стучат и гремят. Пришёл и наш дока, узнал старого знакомого, стал на чертёнка и кричать и плевать; чертёнок и не думает бежать, полюбилося ему в князем терему жить.

— Погоди ж, когда так! — закричал дока. — Эй, косая баба! Подь сюда.

Тут чертёнок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон. Доке честь, доке слава, дока деньги гребёт; но недаром говорят, что и в самом раю тошно жить одному. Сгрустнулось добру молодцу, и пошёл опять косую искать. Навязал коробью и опустил в яму: баба села, он и потащил её кверху. Вот уж близко! Баба вверх подымается, а сама зубом скрипит да кулаками грозит. Со страстей затряслись у мужика руки, сорвалась коробья — и загремела косая баба по-прежнему в ад.

437

Зла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж работать, так она трои сутки спит; велит спать, так нисколько не спит. Велит муж пироги печи, а она вздумает на полати лечи; не велит муж печку топить, а она нарочно истопит и выпечет оладий целое ведро. Долго муж с ней бился, и пошёл раз по смородину, набрался смородины и пришёл домой.

Жене стало завидно, она и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по смородину. Муж говорит:

— Не ходи!

— Нет, нарочно пойду!

Зла жена дошла до смородинника, не успела сорвать двух ягод, как провалилась в яму, где черти сидели да горшки лепили.

Прошла неделя. Муж говорит: «Дай схожу, посмотрю — что сделалось с женой?» Подходит к смородиннику и слышит в яме страшный крик и визг. Один из чертей закричал:

— Крестьянин! Вытащи нас отсюда; зла жена пришла, всех нас приела, прикусала; вытащи! Я сам те службу сослужу.

Жалко стало крестьянину чërта; он спустил в яму верёвку и вытащил оттуда чërта.

Чёрт с крестьянином заключил вот какое условие: пойдут они в большой город Вологду; чёрт будет селиться в жёны знатных купцов и бояр, а крестьянин лечить. Дошли они до города. Чёрт то в ту, то в другую женщину селится, и всякая только примет в себя чërта, так и взбеленится, точно с ума сойдёт. Придет крестьянин и точно водой смоем, вылечит — как вылечит.

Крестьянину славное житье; везде его принимают, кормят пирогами и рогульками; умирать не надо! Чёрту стало завидно; поселился он в дочь воеводы и не выходит оттуда. Крестьянин лечит, а толку нет; и выдумал он вот

какую хитрость: велел, чтоб все горожане и лакеи с кучерами бегали по улице и кричали благим матом: «Зла жена пришла, зла жена пришла!» Лишь только велел это сделать, как чёрт насмерть перепугался, выпрыгнул из дочери воеводской — прыг за окошко! Воевода отдал дочь за крестьянина, а злая жена и теперь сидит в тартарары.